

стары, працаваць многа не можа, а таму і права голасу нароўні з астатнімі не мае), шкадуе хадзяку, магчымага “землячка”, ды і наогул “заўсёды рад прывітаць падарожніка” [2, 181].

Варта адзначыць, што вобраз жабрака (а ў рускай літаратуры – юродзівага) даволі паслядоўна ўводзіцца ў апавядальную канву як Андрэевым, так і Гарэцкім. Пры гэтым у творах абодвух аўтараў ён не проста набывае або страчвае пэўныя характэрныя рысы, трансфармуючы багатую культуна-літаратурную традыцыю, але і мае спецыфічную сэнсавую нагрузку. І Л. Андрэў, і М. Гарэцкі надаюць юродству (жабрацтву) дадатковую функцыю адцянення чалавечых заганаў, зніжаючы сакральныя ў былой культурнай традыцыі вобразы.

Творам, у якім вобраз юродзівага прасочваецца найбольш паслядоўна, можна назваць апавяданне “Алёша-дурачок” Л. Андрэева. Алёша – вядомы ўсёй Пушкарнай вуліцы горада О. жабрак, якога трымае і прымушае працаваць на сябе, “собираць копеечки” [3, 54], а потым б’е Акуліна. Тое, як ён прадстаўляецца (“Я дурачок... Алёша” [3, 60]), яго жабрацкае адзенне, пакора і “жалкая, просящая улыбка” [3, 53] уражаюць дзіцячую свядомасць малага барчука, уносяць непаразуменне ў яго ўнутраны свет. Дзеянне апавядання заснавана на жаданні хлопчыка дапамагчы Алёшы, які церпіць крыўду ад людской жорсткасці, і заканчваецца забаронай бацькоў мець зносіны з дурачком. Вобраз Алёшы грунтуецца на выяўленні традыцыйных для юродзівага якасцяў, за выключэннем таго, што персанаж не мае ніякага прыкметнага дачынення да праваслаўнай святасці. Праз стаўленне да Алёшы праходзяць выпрабаванне ўсе героі, і вытрымлівае яго толькі хлопчык. Такая сітуацыя прымушае задумацца пра страту чалавекам натуральных пачуццяў спачування, спагадлівасці ва ўгоду абывацельскаму практыцызму і сквапнасці.

Цікава, што такі персанаж выступае своеасаблівай “лакмусавай паперкай” для астатніх герояў і ўсяго грамадства. Ён адцяняе паводзіны іншых персанажаў, і менавіта праз стаўленне да юродзівага чытач мяркуюе пра іх. Гэта, на наш погляд, адна з асноўных прычын увядзення такога персанажа і ў іншыя творы Л. Андрэева. Спецыфічныя рысы юродства з падобнай функцыяй сустракаюцца таксама ў Іпатава і Елеазара – герояў аднайменных андрэўскіх апавяданняў. Аналагічная матывацыя характэрна таксама для твораў беларускага аўтара. Напрыклад, звар’яцелая жабрачка з абразка “Дурная”, якая “ўвесь час гаманіла і гаманіла” [2, 347], выкрываючы крывадушна схаванае ўладай раслаенне грамадства пад час палітыкі НЭПа. Вар’яцтва гераіні разбурае ўяўны, надуманы дабрабыт, паказвае, што крывадушнасць не дапамагае справіцца з цяжкасцямі, а толькі да часу хавае іх.

Заклучэнне. Такім чынам, у апавяданнях Л. Андрэева і М. Гарэцкага значнае месца займае персанаж, які выконвае функцыю выкрыцця іншых герояў твора. Для гэтага пісьменнікі надзяляюць такі тып маргінальнымі рысамі, якія б сваімі нетыповымі паводзінамі правакавалі астатніх герояў твора, выклікаючы ў іх пэўную рэакцыю. У гэтым сэнсе можна гаварыць пра надаванне герою-“правакатару” своеасаблівай ідэнтыфікацыйнай ролі, бо менавіта з яго дапамогай аўтар (у сацыяльна-гістарычным кантэксце – у М. Гарэцкага і ў маральна-філасофскім – у творах Л. Андрэева) раскрывае чытачу характары астатніх персанажаў.

Спіс літаратуры

1. Андреев, Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – Т. 2: Рассказы. Пьесы 1904–1907. – 559 с.
2. Гарэцкі, М.І. Збор твораў.: у 4 т. / М.І. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 1984. – Т. 1.: Апавяданні 1913–1930. – 446 с.
3. Андреев, Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – Т. 1.: Рассказы 1898–1903. – 639 с.

ОСОБЕННОСТИ МАЛЫХ ЖАНРОВ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

*Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Предметом нашего исследовательского внимания является фантастическое у М.А. Булгакова – как феномен его творческой индивидуальности, то, что оставалось в его произведениях постоянным стилистическим маркером и что в первую очередь связано в читательском восприятии с представлением об особенностях художественного мировидения писателя. Цель исследования – изучение особенностей малых жанров в раннем творчестве М.А. Булгакова.

Материал и методы. Материалом для исследования принципов моделирования М.А. Булгаковым художественной реальности являются его ранние фельетоны и рассказы. Специальное внимание уделяется особенностям словесно-художественного мышления писателя. Методологию исследования определяет комплексный подход, сочетающий сопоставительный-типологический, культурно-исторический и текстологический методы.

Результаты и их обсуждение. В первых социальных миниатюрах – этюдах к большой прозе – писатель активно использует в качестве приема сон, который «чудесным» образом проясняет нелепости действительности.

В одном из ранних рассказов «Похождения Чичикова» (1922) М. Булгаков гротескно обыгрывает появление Чичикова в Москве 1920-х годов, используя при этом фантастическое допущение в форме сна. Реалии действительности обнажаются, становятся рельефнее благодаря «выдающимся» способностям гоголевского персонажа, расцветающим на благодатной почве строящегося социализма, где бюрократия, формализм, очковитирательство достигли невероятных размеров: «Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит» [1, 232].

В основе фантастической посылки – своего рода эксперимент по воскрешению Чичикова, которое оказывается возможным благодаря сну – приему, ставшему впоследствии характерным для поэтики М. Булгакова. «Завуалированная» (определение Ю. Манна. – *Н.Г.*) фантастика в рассказе позволяет читательскому сознанию существовать на пограничье возможного и невозможного. Сон как обычное, научно объяснимое состояние человека и сон как видение, цепь невероятных совпадений, нагромождение случайностей, чудесных превращений оказываются связанными у М. Булгакова ассоциативными и логическими соответствиями; реальное и фантастическое, оттененные гоголевскими реминисценциями, составляют единое поле для осмысления современности.

В рассказе «Воспоминания» (1924) М. Булгаков восстанавливает в памяти свои мытарства с пропиской в Москве: председателя домового управления, «толстого, окрашенного в самоварную краску человека в барашковой шапке и с барашковым же воротником» [1, 380], его зловредных сообщников и их «Вылетайте, как пробка!», брошенное вслед горемыке «бездомному», наконец, странный сон про Ленина, разрешающего дать ордер на «совместное жительство». В «Сапогах-невидимках» (1924) герой не может насладиться волшебным подарком даже во сне. Невероятным образом в его сознании смешиваются две реальности: волшебник с восхитительным подарком соседствует с обозвавшей его «алкоголиком» и «насекомым» женой Маней, воющими детьми, подозрительным милиционером и прочими жизненными неприятностями [1, 448–449].

Другим продуктивным приемом является у М. Булгакова реализованная метафора. Соседскую беседу ведут крысы («Крысиный разговор», 1924), требует медицинскую справку покойник («Приключения покойника», 1924), человеческий голос обретает стенгазета («Приключения стенгазеты», 1925).

Уже на раннем этапе социальная фантастика у писателя плодотворно сочетается с иронией, сатирой, стремлением к парадоксу. В рассказе «Багровый остров» (1924), позже переработанном в одноименную пьесу, в кривом зеркале фантастического гротеска отражены смешные, внешне нереальные, но до боли знакомые каждому факты текущего дня. Подзаголовок к рассказу («Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский язык перевел Михаил Булгаков») отсылал читателя к низкосортному литературному ширпотребу – ориентированной на модные западные образцы советской приключенческой беллетристике. Писатель создал язвительную пародию на идеологически тенденциозные литературные однодневки. Амплитуда булгаковского смеха невероятно широкая. Комическое имеет множество интонационных обертонов, балансирует между юмором, сарказмом и иронией. Например, описывая коммерческие интересы лорда Гленарвана на острове туземцев, М. Булгаков невзначай замечает: «Установились правильные сношения. Суда заходили в бухту, сбрасывали английские ценности (стеклянные бусы и тухлые сардинки. – *Н.Г.*), забирали эфиопову дрянь (бобровые шкуры, слоновую кость, жемчуг. – *Н.Г.*)» [1, 412].

Период с 1919 по 1925-й годы, время становления творческого метода М.А. Булгакова, не может быть увиден адекватно без учета особенностей словесно-художественного мышления писателя.

В свое время на важность этого аспекта указала М. Чудакова в книге «Поэтика Михаила Зощенко». Фиксируя отличия «авторского слова» М. Зощенко и М. Булгакова, исследовательница отмечает, что для Зощенко «газетный или журнальный фельетон был способом решения

тех же художественных задач, что и в собственно прозе», в то время как «Булгаков мог бы, пожалуй, вполне добросовестно сказать о себе: днем я пишу собачью ерунду, а ночью – повесть для потомства» [2, 106].

Взаимоотношения М. Булгакова с «новой фельетонной традицией, которая уже успела сложиться за несколько лет» [Там же], были, на наш взгляд, не столь однозначными. М. Чудакова права, когда, характеризуя фельетонный язык М. Булгакова, отмечает отсутствие цельности авторской повествовательной позиции: «В рассказе “от автора” вдруг начинают звучать немотивированно грубые ноты, заимствованные из “соседнего” сказа, – естественные последствия работы сугубо профессиональной, держащейся на голом навыке, а не на решении внутренних художественных задач» [2, 105]. При этом исследовательница все же указывает на разницу между «обличительными» гудковскими фельетонами (С 1922 по 1926 год в газете «Гудок») было напечатано более 120 репортажей, очерков и фельетонов М. Булгакова) и «бытописательными» фельетонами, созданными для берлинского издательства «Накануне», в которых: «Булгаковский герой-рассказчик, потеряв свое место в определенной иерархии, не потерял в своих глазах. Человек неопределенных занятий (здесь остранено обычное, официальное наименование свободного художника) для *других*, для себя самого он сохраняет прежнюю определенность – и на этом основывает свою повествовательную позицию» [2, 103].

Заключение. Несмотря на верность многих наблюдений М. Чудаковой, было бы не совсем правильно объяснить смешение разных типов повествовательной речи у раннего М. Булгакова разностью художественных задач автора или тем более «серьезностью/несерьезностью» его отношения к той или иной писательской «работе». Ведь не только в «гудковских» фельетонах, но и в рассказах того же времени можно встретить стилистическую «сбивчивость» речи, не всегда, казалось бы, мотивированное заимствование инородных словесных оборотов, смешение «чужого» сказового и «своего» авторского слова. Эта «сбивчивость», как нам представляется, вовсе не случайная. В то время как М. Зощенко открыто избегает прямого авторского слова, замещая ее «аномалиями» (М. Чудакова) современной речи, М. Булгаков ищет свой собственный, «булгаковский» голос – и именно на фельетонном, плодородном для такой работы, материале. В этом смысле «гудковская», публицистическая в большинстве, сатира была важным и необходимым этапом в становлении Булгакова-художника.

Список литературы

1. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. / М.А. Булгаков; редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. – 751 с.
2. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. – М.: Издательство «Наука», 1979. – 200 с.

ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

*Е.Н. Горегляд
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Заглавия статей – первое, на что обращает внимание читатель, просматривая периодическое издание. В заголовке сконцентрирована информация о содержании последующего текста; он зачастую является определяющим фактором для вердикта читателя – ознакомиться с материалом статьи либо отложить газету в сторону. Поэтому так важно создать яркий, притягательный, интригующий заголовок. С этой целью всё чаще журналисты используют в качестве заголовков прецедентные тексты – «единицы своеобразного культурного тезауруса языковой личности». Изучению явления прецедентности посвящены работы целого ряда лингвистов – Ю.Н.Караулова, Д.Б.Гудкова, В.В.Красных, Г.Г.Слышкина, Н.Д.Бурвиковой и др. По определению Е.А.Земской, прецедентными могут быть тексты, использованные как в неизменном (цитация), так и в трансформированном (квазицитация) виде, хорошо известные широкому кругу лиц и обладающие свойством повторяемости в разных текстах [1, 158].

Цель нашего исследования – установить источники прецедентизмов, выявленных в результате анализа заголовков русскоязычных печатных периодических изданий Беларуси.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили заголовки следующих периодических изданий Республики Беларусь: «Аргументы и факты в Беларуси» (далее –